

Философия культурной памяти и горожанин как субъект ее формирования

С. Л. Дунаева

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Проблема культурной памяти является одной из актуальных проблем современного гуманитарного знания и привлекает все большее внимание исследователей многих его областей, в том числе – урбанистики и философии города, что обуславливает актуальность, научную и практическую значимость заявленной темы статьи. Автор полагает, что изучение города невозможно без исследования его антропологической составляющей, поскольку именно горожане формируют, сохраняют и развивают городское пространство, основываясь на своей системе ценностей и опираясь на единую культурную память сообщества. В результате этой деятельности складывается тот или иной тип городской культуры (воспроизводящий, помнящий, замещающий и пр.).

Содержание. В статье использованы три группы источников: теоретические работы культурфилософской направленности, воспоминания и заметки жителей и гостей малых «императорских» городов XVIII–XX вв., исторические труды периода XVIII – начала XX вв. Статья основана на комплексной культурфилософской методологии, составляющими которой являются философско-антропологический анализ, типологический и сравнительный методы. Философско-антропологический анализ культуры малых «императорских» городов Санкт-Петербургской губернии и горожан как коллективного субъекта формирования культурной памяти позволяет говорить о неизбежности перехода от воспроизводящего и помнящего типов культуры к замещающему и сохраняемому типам. Время, причины и механизмы перехода от одного типа к другому обусловлены господствующей в тот или иной период культурной парадигмой и единой системой ценностей, разделяемых большинством жителей города.

Выводы. В статье делается вывод о влиянии культурной памяти как философского концепта на формирование определенного типа культуры и о необходимости комплексного философского анализа культуры малых «императорских» городов Санкт-Петербургской губернии, складывавшейся на протяжении трех столетий. Подобный подход позволяет рассматривать проблему человека и городской среды как двуединую в неразрывной связи и взаимодействии обеих ее составляющих.

Ключевые слова: культурная память, тип культуры, коллективная идентичность, культурное забвение, малые «императорские» города, Санкт-Петербург, дачные пригороды.

Для цитирования: Дунаева С. Л. Философия культурной памяти и горожанин как субъект ее формирования / С. Л. Дунаева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 73–82. DOI 10.35231/18186653_2021_1_73

Cultural Memory Philosophy and the Citizen as the Subject of its Formation

Stefaniya L. Dunaeva

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The problem of cultural memory is one of the urgent problems of modern humanitarian knowledge and attracts increasing attention of researchers in many of its fields, including urban studies and urban philosophy, which determines the relevance, scientific and practical significance of the stated topic of the article. The author believes that the study of the city is impossible without the study of its anthropological component, as there are citizens who form, preserve and develop the urban space, based on their own system of values and relying on the common cultural memory of the community. As a result of this activity, type of urban culture is formed (reproducing, remembering, replacing, etc.).

Content. In the article three groups of sources are used: theoretical works of cultural and philosophical orientation, memoirs and notes of residents and guests of small “imperial” cities of the XVIII–XX centuries, historical works of the period of the beginning of the XVIII – beginning of the XX centuries. The article is based on a complex cultural and philosophical methodology, the components of which are philosophical and anthropological analyses, typological and comparative methods. The philosophical and anthropological analysis of the culture of the small “imperial” cities of the St. Petersburg province and the citizens as a collective subject of the formation of cultural memory allows us to speak about the inevitability of the transition from the reproducing and remembering types of culture to the replacement and preserved types. The time, causes and mechanisms of the transition from one type to another are determined by the prevailing cultural paradigm and a single system of values shared by the majority of the city's residents.

Conclusions. The article draws a conclusion about the influence of cultural memory as a philosophical concept on the formation of a certain type of culture and the need for a comprehensive philosophical analysis of the culture of small towns of the “imperial” cities of the St. Petersburg province, which developed over three centuries. Such an approach allows us to consider the problem of man and the urban environment as two-in-one in the indissoluble connection and interaction of both its components.

Key words: cultural memory, type of culture, collective identity, cultural oblivion, small “imperial” cities, St. Petersburg, suburban suburbs.

For citation: Dunaeva, S. L. (2021). *Filosofiya kulturnoi pamyati i gorozhanin kak sub"ect eyo formirovaniya* [Cultural memory philosophy and the citizen as the subject of its formation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 73–82. DOI 10.35231/18186653_2021_1_73 (In Russian).

Введение

В настоящее время изучение культурной памяти как неотъемлемого коллективного свойства различных общностей становится все более актуальным, приобретая междисциплинарный характер. К указанной тематике обращаются психологи, социологи, историки, культурологи и философы. Среди наиболее известных специалистов в данной области следует называть Я. Ассмана, А. Ассман, М. Хальбвакса, П. Нора, П. Хаттона [2; 3; 17; 14; 18]. Философы обращают внимание на механизмы формирования и изменчивости памяти, забвение, создание коллективной идентичности и влияние ее носителей на функционирование единой памяти сообщества.

Понятие «культурная память» по своему значению является междисциплинарным; в контексте данной статьи оно рассматривается на границе философии, истории и культурологии, социологии и урбанистики. Используемые для анализа источники представляют три основные группы: в первую группу входят теоретические работы культурфилософской направленности, ко второй относятся воспоминания и заметки горожан периода XVIII–XX вв., к третьей – исторические обзорные материалы; на основе перечисленных источников в работе дана общая социокультурная характеристика малых городов. Ведущие методы исследования – антропологический анализ, типологический и сравнительный методы.

Изучение конкретной среды с опорой на феномен памяти позволяет определить ее принадлежность к какому-либо типу культуры, реконструировать ее генезис и эволюцию, прогнозировать ее дальнейшее развитие. Одним из примеров такого подхода является историко-типологическое и философско-антропологическое изучение малых городов Санкт-Петербургской губернии.

Любой город является отражением определенного типа культуры: воспроизводящего, помнящего или замещающего. Основной характеристикой первого типа следует считать непрерывное развитие городской культуры, продолжающей активно воспроизводить исходные культурные смыслы и на их основе выработать новые [5]. Помнящий тип культуры предполагает обращение к прошлому [3, с. 43], которое может происходить различными способами. Например, обращение к традициям прошлого и создание мемориальных памятников акцентирует внимание на прошлом культуры. Вместе с тем, забвение, или «культурная амнезия», также относится к помнящему типу, поскольку оно может быть преднамеренным, являясь частью определенного культурного проекта [7, с. 4]; в этом случае содержание памяти зависит исключительно от отношения членов сообщества к предмету памяти. К третьему типу следует отнести замещающую культуру, предполагающую появление не связанных с исходной культурой смыслов.

Содержание исследования

Анализ культурной памяти малых «императорских» городов Санкт-Петербургской губернии периода XVIII – начала XX вв. (Петергоф, Царское Село, Павловск, Ораниенбаум и Гатчина дореволюционной эпохи) позволяет сделать вывод о существовании и развитии воспроизводящего типа культуры.

Восемнадцатый век привнес в русскую культуру традицию загородных резиденций, ставших местами летнего проживания императорской семьи. Статус городов как «императорских» определял присущую лишь им культурную специфику. Во-первых, эти города являлись пространством для дипломатических встреч и событий государственного масштаба [15, с. 68]. Во-вторых, потребность в строительстве дворцово-парковых ансамблей притягивала к себе знаменитых архитекторов, мастеровых [11, с. 22], впоследствии сформировавших один из антропологических типов жителей малых «императорских» городов. В-третьих, природный ландшафт и эстетические взгляды владельцев загородных резиденций определяли превалирование городского быта: для членов императорской фамилии и придворной знати главной ценностью пригородов Санкт-Петербурга была возможность «окунуться» в тихую, спокойную атмосферу с сохранением городских условий, что приводило к развитию дачной культуры, специфика которой нашла отражение во многих культурных текстах. В-четвертых, несмотря на иллюзию дачной «деревенской» жизни, в малых «императорских» городах складывалась культурная среда, типичная для большого города.

Данный тип культуры является также и помнящим – большую роль в этом играли сами горожане, поддерживавшие заведенный порядок, характерными приметами которого являлись светские приемы, посещение вокзалов и летних театров, прогулки по паркам [10]. Воспоминания о них сохранились в многочисленных мемуарных источниках. Как пишет М. Бардакова: «Царскосельское общество того времени умело принимать, жить и веселиться. Постоянно устраивались вечера, назначались *jours fixe*, собирались, чтобы петь, играть, декламировать» [4, с. 335]. А. Ахматова, вспоминая Царское Село, писала о «сыром великолепии парков» [19, с. 13].

Важнейшим компонентом помнящей культуры является обращение к прошлому [3, с. 31]. Для малых «императорских» городов эту роль выполняла память горожан об Петре Великом, выраженная как в осознании того, что они жили и работали рядом с императорской резиденцией, так и в различного рода торжественных мемориальных событиях и празднествах в честь императора.

С момента изменения культурной парадигмы после 1917 года жизнь городов складывалась в соответствии с двумя сценариями. Первый заключался в том, что город приобретал чуждый для этого пространства смысл и со временем становился местом культурного забвения [3, с. 69]. Ярким примером подобного явления стал город Кингисепп (Ямбург), первое летописное упоминание о котором относится к 1384 г. С XV в. Ямбург был военным, ремесленно-торговым и административным центром Северо-Западной Руси. С 1708 г. он находился во владении князя А. Д. Меншикова. В 1922 г. город переименовали в честь погибшего руководителя эстонских коммунистов В.Э. Кингисеппа. После Великой Отечественной войны город был восстановлен, однако его исторический облик сильно пострадал [11, с. 311].

Второй сценарий предполагает сохранение исторического прошлого в рамках существования новой городской культуры – либо при помощи воскрешения культурных традиций дореволюционного уклада городской жизни, либо сохранением города как места памяти. Первое было невозможно, поскольку новые ценности были противоположны ценностям дореволюционной культуры малых «императорских» городов и власть не дала бы возможности «оживить» уклад прежней повседневности. Однако, вполне востребованным для новой культуры стало сохранение и поддержание памятников, музеев, организованного определенным образом ландшафта, отсылавших к прошлому [14, с. 26]. И этот способ оказался единственно возможным для культурной памяти, когда преемственность и обращенность к прошлому с течением времени все более ослабевали.

Данный способ подразумевает участие жителей, неравнодушных к судьбе своих городов. Горожане активно участвовали в сохранении музейных ценностей дворцово-парковых ансамблей; в военные годы закапывали статуи и эвакуировали музейные экспонаты из дворцов. Сотрудники дворцов выступали против уничтожения исторических памятников, открыто заявляя о своей позиции.

«Обелиск Коннетабль в бывшем дворцовом комплексе составляет существенную его часть. Если его уничтожить, то, чтобы быть последовательным... придется нам вслед за ним уничтожить и дворец, как памятник царей и парк, как памятник их наслаждений. А затем, по нашему примеру, много придется уничтожить и в самом Ленинграде памятников, исторических зданий и музеев ...» [13, с. 140].

После Великой Отечественной войны специалисты Петергофа обсуждали планы восстановления дворца и Н. Н. Белехов настоял на воссоздании его таким, «каким он был до 1941 года, в его былом великолепии, с интерьерными, как неотъемлемую часть чудесного ансамбля» [12, с. 395].

В настоящее время дачные пригороды используются как коттеджные районы для горожан, не стремящихся сохранить их исторический облик. В результате места памяти становятся более замкнутыми и закрытыми в себе [14, с. 49], переставая быть связующим звеном между настоящим и прошлым. Однако и сегодня, когда пригороды утрачивают прежние и обретают новые культурные смыслы, неравнодушные жители стремятся воссоздавать и хранить места памяти об истории культуры малых «императорских» городов, о чем свидетельствуют появляющиеся новые литературные произведения, действие которых происходит в этих городах, краеведческие исследования (см.: [6; 16; 20]), исторические фотографии городов дореволюционного и советского периода в социальных сетях, выставки, экспозиции краеведческих музеев.

Воспроизводящий тип культуры направлен на формирование культурной идентичности [3, с. 143], позволяя горожанам впитывать культуру и создавать новые культурные смыслы. Горожане, к которым относились местные жители и выезжавшие за город дачники, признавали себя частью культуры малых «императорских» городов и со временем в пригородах складывались традиции, привычки, ритуалы, присущие только этим местам, отчего города приобретали душу [1] и становились подобными живым организмам.

Очевидно, что кардинальная смена политического режима, произошедшая после 1917 г., вместе со сменой ценностей привела к выстраиванию нового жизненного уклада в дачных пригородах. Устоявшиеся за два столетия традиции и повседневность горожан-дачников должны были постепенно видоизмениться или уйти из культурного обхода, уступив место новому бытовому укладу и стилю эпохи. Малые города бывшей Санкт-Петербургской губернии, как вся страна, стали пространством для построения нового советского общества, главными ценностями которого были массовость и коллективизм. Провозглашенные новой властью идеи и ценности постепенно вытесняли традиции и идеи прошлого времени.

В советское время культура рассматриваемых городов более не могла относиться к воспроизводящему типу, поскольку новых смыслов, связанных с дореволюционной культурой, не появлялось. Вместе с тем, культура оставалась помнящей благодаря жителям, защищавшим исторический облик своих городов. Для горожан подобная реакция является вполне предсказуемой, поскольку обращенность к прошлому города сравнима с ностальгией, с теплыми воспоминаниями о той культуре, которой более не существует. Согласно взглядам М. Хальбвакса, стремление восстановить облик ушедшей культуры связано с

принадлежностью человека к ней, а возврат в прошлое сравним с книгой из детства, при каждой встрече с которой происходит «пробуждение воспоминания и чего-то вроде внутреннего омоложения» [17, с. 119].

Следует отметить, что помнящая и воспроизводящая культура дореволюционного периода существенно отличается от помнящей культуры советского периода. Обращение дореволюционных горожан-дачников к традициям прошлого времени было беспрепятственным и не противоречило ценностной парадигме культуры малых «императорских» городов Санкт-Петербургской губернии, и это приводило к дальнейшему развитию и процветанию культурной жизни. Горожане советского времени, усвоившие новые общественные идеи и ценности, могли обращаться к воспоминаниям о традициях, ритуалах и быте прошлого преимущественно как к фрагментам культурного наследия, далеким от их повседневности.

В настоящее время городская культура приобретает современные смыслы, не связанные с исходными, в связи с чем следует делать вывод о формировании замещающего типа культуры, в котором уникальные черты малых «императорских» городов постепенно стираются и становятся невидимыми для горожан и приезжающих туристов.

Наряду с замещающим типом формируется сохраняемый тип, для которого характерно то, что при активном прирастании новых культурных смыслов память об ушедшем времени, об уникальности дореволюционной культуры малых городов «представляет собой архив неопределённого объема информации <...> как резервуар для будущих состояний функциональной памяти и корректив для уже существующей памяти» [9].

Выводы

Культурная память, являясь актуальной темой исследования в различных областях научного знания, представляет собой адекватный инструмент для изучения и определения типа культуры. Философско-антропологический анализ культурной памяти позволяет рассматривать город и его составляющие (в ретроспективе и в актуальном состоянии) неотрывно от горожанина и способствует акцентированию внимания на людях, которые живут в этом пространстве, формируя его как субъекты культурного конструирования и, в свою очередь, становясь продуктами (объектами) развития культуры.

Данный подход позволяет расширить границы изучения философии города с опорой на культурную типологию, разработанную в результате изучения культурной памяти как значимого культурообразующего фактора, и применить типологический подход для сравнительно-аналитического изучения феномена малых городов в целом. Предложенный подход вполне применим и к социокультурному проектированию, способствуя расширению сферы и методологии изучения антропологической и общекультурной составляющих городского пространства.

Список литературы

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. – Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. – 226 с.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 540 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
4. Бардакова М. М. Из воспоминаний о Царском Селе // Русская старина. – 1911. – Т. 148. – № 11. – С. 327–337.
5. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. / сост., общ. ред и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–392.
6. Бурлаков А. В. Записки гатчинского краеведа. Книга 1. – Гатчина: б. и., 2012. – 240 с.
7. Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2012. – С. 29–57.
8. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Очерки и рассказы. 1865–1905 / подготовка текста и примеч. И. М. Юдиной. – М.: Гослитиздат, 1958. – 723 с.
9. Гефтер М. Воспоминания пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/9540> (дата обращения: 06.01.2021).
10. Глезеров С. Е. Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. 3-е изд. – М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка, 2013. – 606 с.
11. Глушкова В. Г. Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины: исторический путеводитель. – М.: Вече, 2014. – 478 с.
12. Казанская Е. В. Воспоминания о восстановлении большого петергофского дворца // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». – СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. – С. 392–408.
13. Митенев А. А. Гатчинские истории: дома, люди, судьбы. – Гатчина: Митенев А.А., 2011. – 205 с.
14. Нора П. Проблематика мест памяти / пер. с фр. // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–50.
15. Оже И.Н.Ж. Из записок Ипполита Оже. 1814–1817 (с неизд. франц. подлинника) // Русская старина. – 1877. – Кн. 2. – № 5. – С. 55–68.

16. Садиков А. Н. Павловск. Повседневная жизнь города в 1911 году. – СПб.: б.и., 2012. – 150 с.
17. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 343 с.
18. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 422 с.
19. Черных В. В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть 1. – 1889–1917. – М.: Эдиотриап, 1996. – 111 с.
20. Януш Б. В. Неизвестный Павловск. 1850–1892 гг.: Историко-краеведческий очерк. – СПб.: Серебряный век, 2002. – 98 с.

References

1. Antsiferov, N. P. (1922). *Dusha Peterburga* [The soul of Petersburg]. Petersburg: Brokgauz-Efron. 226 p. (In Russian).
2. Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion the history of obsession with history]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 540 p. (In Russian).
3. Assman, Ja. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in High Cultural Antiquity]. Moskva: Jaz. slav. kul'tury. 363 p. (In Russian).
4. Bardakova, M. M. (1911). Iz vospominanii o Tsarskom Sele [From the memories of Tsarskoye Selo]. *Russkaia starina* [Russian antiquity]. Vol. 148. No 11. pp. 327–337. (In Russian).
5. Bart, R. (1989). *Smert' avtora. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Death of the author. Selected works: semiotics, poetics] / sost., red i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva: Progress. pp. 384–392. (In Russian).
6. Burlakov, A. V. (2012). *Zapiski gatchinskogo kraevedy* [Notes of the Gatchina local historian]. Gatchina: b.i. – 240 p. (In Russian).
7. Vasil'ev, A. G. (2015). Kul'turnaia pamiat'/zabvenie i natsional'naia identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/Oblivion and national identity: theoretical foundations of the analyzer]. *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniya natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke: kollektivnaia monografiia* [Cultural Memory in the Context of the Formation of the National Identity of Russia in the 21st Century: a collective monograph]. Otv. red. N.A. Kochelyaeva. Moskva: Sovpadenie. p. 29–57. (In Russian).
8. Garin-Mikhailovskii, N. G. (1958). *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works in 5 volumes] Vol. 4: Ocherki i rasskazy [Essays and short stories]. 1865–1905. Podgotovka teksta i primech. I. M. Yudinoi. Moskva: Goslitizdat. 723 p. (In Russian).
9. Gefter, M. (2013). *Vospominaniya prostranstva* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://gefter.ru/archive/9540> (Data obrashcheniia: 06.01.2021) (In Russian).
10. Glezerov, S. E. (2013). *Peterburgskie okrestnosti: byt i nrawy nachala XX veka* [Petersburg neighborhoods: life and customs of the early twentieth century]. Izd. 3-e. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentrpoligraf: Russkaya troika. 606 p. (In Russian).
11. Glushkova, V. G. (2014). *Prigorody Sankt-Peterburga. Ot Petergofa do Gatchiny: istoricheskii putevoditel'* [Suburbs of St. Petersburg. From Peterhof to Gatchina: a historical guide]. Moskva: Veche. 478 p. (In Russian).

12. Kazanskaya, E. V. (2019). Vospominaniya o vosstanovlenii bol'shogo petergofskogo dvortsa [Memories of the restoration of the Grand Peterhof Palace]. *Vek restavratsii prigorodnykh dvortsov. Tragediia i triumf: Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ „Peterhof”* [A century of restoration of suburban palaces. Tragedy and Triumph: a collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference of the GMZ „Peterhof”]. Sankt-Peterburg: GMZ „Peterhof”. pp. 392–408. (In Russian).
13. Mitenev, A. A. (2011). *Gatchinskie istorii: doma, lyudi, sud'by* [Gatchina stories: houses, people, destinies]. Gatchina: Mitenev A.A. 205 p. (In Russian).
14. Nora, P. (1999). Problematika mest pamiati [Problems of memory locations] Frantsiya – pamyat' [France – memory]. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. pp. 17–50. (In Russian).
15. Ozhe, I.N.Zh. (1877). Iz zapisok Ippolita Ozhe [From the notes of Hippolyte Auger] 1814–1817. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. Vol. 2. No 5. pp. 55–68. (In Russian).
16. Sadikov, A. N. (2012). *Pavlovsk. Povsednevnyaya zhizn' goroda v 1911 godu* [Everyday life of the city in 1911]. Sankt-Peterburg: b.i. 150 p. (In Russian).
17. Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. 343 p. (In Russian).
18. Khatton, P. Kh. (2003). *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the Art of Memory]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. 422 p. (In Russian).
19. Chernykh, V. V. (1996). *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. Chast' 1* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. Part 1]. 1889–1917. Moskva: Ediotriap. 111 p. (In Russian).
20. Yanush, B. V. (2002). *Neizvestnyi Pavlovsk 1850–1892 gg: Istoriko-kraevedcheskii ocherk* [Unknown Pavlovsk 1850–1892: local history essay]. Sankt-Peterburg: Serebrianyi vek. 98 p. (In Russian).

Об авторе

Дунаева Стефания Леонидовна, аспирантка кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dunaeva.sl@yandex.ru

About the author

Stefaniya L. Dunaeva, postgraduate student of the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, e-mail: dunaeva.sl@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.01.2021

Received: 11 January 2021

Принята к публикации: 25.02.2021

Accepted: 25 February 2021

Опубликована: 31.03.2021

Published: 31 March 2021